

УДК 001.38

DOI: 10.17223/1998863X/55/31

Л.А. Тухватулина

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СУРРОГАТНОЕ ЗНАНИЕ: О СОЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕДОВЕРИЯ К НАУКЕ¹

Рассматривается проблема социальных оснований недоверия к науке, которое выражается в том числе в востребованности псевдо- и антинаучных движений. Автор анализирует перспективы использования персоналистской модели доверия в укреплении легитимности науки как социального института и возлагает надежды на появление лидеров общественного мнения среди ученых. Преодолению кризиса институционального доверия может способствовать экспансия научной рациональности.

Ключевые слова: научный этос, рациональность, модерн, доверие, институты, антинаучные движения.

В своей статье Илья Теодорович Касавин осмысливает призвание ученого и приходит к заключению, что один из вызовов, с которым сталкивается наука сегодня, – неспособность общества оценить знание как бесценный дар науки. В этой реплике мне бы хотелось обратить внимание на социальные основания недоверия к научному знанию и, как следствие, востребованность псевдо- и антинаучных движений. Я предполагаю, что отрицание научного знания является парадоксальным ответом на усиливающееся информационное давление, а также свидетельствует о глобальном кризисе институционального доверия, который переживает современное общество.

«Организованный скептицизм» является одной из фундаментальных ценностей научного этоса, которая задает высочайший эпистемический стандарт научного знания и выражает его способность к самокоррекции. Однако еще Р. Мертон пронизательно отметил, что эта важнейшая особенность науки делает ее особенно уязвимой для критики со стороны профанов, не доверяющих ученым в силу их «непостоянства» и стремления к постоянному пересмотру научного знания. Рациональный скепсис как главная добродетель познающего разума приходит в труднопреодолимое противоречие с фундаментальным стремлением человека минимизировать «основополагающее беспокойство», утвердившись в определенном видении мира. Этим экзистенциальным ожиданиям в большей степени соответствуют представления, которые разделяют люди, стоящие в оппозиции официальной науке. При этом весьма характерно, что различные псевдо- и антинаучные движения (гомеопаты, ВИЧ-диссиденты, антипрививочники и пр.) используют весьма характерную стратегию легитимации. Зачастую их представители вовсе не стремятся полностью отмежеваться от науки, но спекулируют на том, что в науке-де есть альтернативные точки зрения, которые по тем или иным причинам блокируются мейнстримом. Лидерами среди гомеопатов и адептов

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

нетрадиционной медицины часто становятся бывшие врачи, которые якобы разочаровались в медицинской практике и устали от давления фарминдустрии. И теперь, следуя клятве Гиппократу, хотят рассказать людям правду о самоизлечении организма и неограниченных возможностях эффекта плацебо. Отрицатели ВИЧ, защищая свою позицию, всякий раз ссылаются на нобелевского лауреата Кэрри Муллиса и знаменитого биолога Питера Дюсберга, чьи имена связаны с разоблачением «мифа» о смертельной угрозе СПИДа. Не замалчивается ВИЧ-диссидентами и то обстоятельство, что эти ученые стали персонами нон-грата в науке, будучи уличенными в недобросовестном отношении к фактам и доказательствам. Их дисквалификация лишь подтверждает, что официальная наука избавляется от борцов за правду, стремясь во что бы то ни стало защитить «главную аферу XX века». Антипрививочники, склоняя аудиторию к вере в связь между прививками и аутизмом у детей, отсылают к соответствующей публикации 1998 г. в журнале *The Lancet*. При этом замалчивается, что несколько лет спустя статья была отозвана редакцией, поскольку авторы были уличены в конфликте интересов и фальсификации результатов исследования.

Эти примеры свидетельствуют, что информационные спекуляции эпохи постправды происходят *не внутри* науки, но *вокруг* нее. Это уточнение мне кажется весьма важным. Оно позволяет утверждать, что развитие антинаучных движений является скорее симптомом социального кризиса, чем кризиса самой науки. А потому он едва ли может быть преодолен путем переосмысления концепции научного этоса. Названные антинаучные «теории» объединяет то, что все они в той или иной мере являются конспирологическими. Склонность людей верить в «конспирологию» может вызывать усмешку в образованных и тем более научных кругах, однако у этой веры есть серьезные социальные предпосылки [1]. Исследователи отмечают, что люди отдают предпочтение конспирологическим теориям, поскольку те отвечают психологическим мотивам, которые условно подразделяются на эпистемические (стремление к достижению точности и субъективной уверенности в знании), экзистенциальные (стремление к контролю и безопасности) и социальные (поддержание групповой солидарности) [2. Р. 538]. Массовая вера в конспирологические теории говорит о том, что архаические формы мышления все еще влияют на картину мира современного человека. Здесь одной из важнейших предпосылок является разочарование в социальных институтах. Так, системные проблемы в здравоохранении (недостаток финансирования и / или нехватка по-настоящему профессиональных врачей) побуждают людей обращаться за помощью к тем, кто стоит в оппозиции официальной медицине. Дисфункция политических институтов (коррупция и высокий уровень неравенства) укрепляет убеждение во всемогуществе политической элиты, подавляет гражданскую активность и усиливает ощущение отсутствия контроля над происходящим [3]. В этом смысле показательна корреляция, которую обнаруживают социологи: антипрививочники в Европе массово голосуют за популистские партии [4]. В целом социально-экономическое неравенство становится основным фактором resentimentных настроений в обществе.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что нарастающее недоверие к социальным институтам не является специфической особенностью конкретного общества, но представляет один из главных вызовов современности. По мне-

нию Энтони Гидденса, структурная трансформация современного общества сопровождается переходом от «до-модерного» режима персонализированного доверия к «модерному» доверию к «абстрактным системам» [5]. Однако сам этот процесс весьма проблематичен. Так, основным препятствием для перехода к новому режиму является «рефлексивная природа» социальных институтов, которая, в свою очередь, характеризует меру их адаптивности к возникающим рискам. «Рефлексивная природа» главным образом выражается в высокой динамике перехода от незнания к знанию и обратно. Объективной предпосылкой этого процесса становится сжатие исторического времени в современном обществе, где скорость распространения информации стремится к скорости ее возникновения. Именно в этом состоит один из ключевых факторов, подрывающих доверие к социальным институтам в глобальном мире – люди попросту не успевают за изменениями. Так, скрытая от глаз обывателя машинерия науки делает научный поиск едва ли не эзотерической практикой. При этом сохранение устойчивой картины мира остается одной из базовых потребностей человека. Однако при отсутствии ощущения «онтологической безопасности» архаизация обыденного сознания выражает реакцию на фрустрирующую «текучесть» модерна.

В свою очередь, неготовность общества к принятию «даров ученых» не должна вызывать удивление, поскольку она лишь отражает общую тенденцию. Однако если тезис Гидденса о недоверии правомерен, то решение проблемы может быть найдено через изменение стратегии «дарителя». Доверие к «абстрактной системе» науки можно упрочить благодаря использованию ресурса персоналистской модели. В пользу этого свидетельствует эффективность такой модели в распространении антинаучных движений. Во главе этих движений, как правило, находится харизматичный лидер, «гуру», привлекающий новых адептов личным примером и незаурядной способностью убеждать. Возможно, и в науке доверие к институту укрепляется тогда, когда среди ученых появляются свои лидеры общественного мнения – посредники, которые умеют переводить научное знание на доступный для широкой аудитории язык. Формирование институционального доверия сопряжено с появлением все новых «точек доступа» к знанию, которое, в свою очередь, должно быть адаптировано под непрофессиональную, но заинтересованную аудиторию. И хотя негативным следствием такой популяризации становится превращение ученого в «универсального эксперта», мнение которого признается авторитетным даже за пределами его компетенций, однако вместе с тем нарастает и интерес людей к науке.

В этой связи существенно обратить внимание на скепсис, который вызывает тезис о необходимости доверия к науке. Постпозитивистская критика увенчалась разоблачением мифа о превосходстве научной рациональности и, как следствие, дискредитацией общественного авторитета науки. Если научная рациональность не обладает привилегированным статусом и является не более чем «традицией», то «сциентизация» выражает экспансионистские амбиции науки, ограничение которых, в свою очередь, послужит интересам свободного общества. Не ставя под сомнение значение релятивизма для эпистемологии, отметим, что в публичной сфере он послужил дискредитации науки и интеллектуальной легитимации различных псевдо- и антинаучных течений. Кроме того, аргументы в защиту паритета различных типов рацио-

нальности, сформулированные более 40 лет назад, сегодня, когда каждая «традиция» получает доступ к аудитории благодаря Интернету, утрачивают былую актуальность. В условиях нарастающего давления более актуальной становится проблема качества информации и воспитания ее компетентного потребителя. И потому главный дар, который наука способна дать обществу (помимо собственно научного знания), это научный этос. И если «миф» о величии научного метода подвергся деконструкции в ходе анализа внутренней истории науки, то научный этос все еще не исчерпал возможности для легитимации науки. Решающая роль здесь принадлежит самому научному сообществу, которое должно бескомпромиссно относиться к любым этическим нарушениям. Если экспансия научной рациональности предполагает в том числе трансляцию ценностей научного этоса, то ее результатом могут стать повышение стандартов критической оценки информации в сообществе и, как следствие, эффективное сопротивление информационному давлению. Кроме того, этос задает высочайший стандарт демократической коммуникации в науке, где каждый – вне зависимости от статуса и регалий – имеет право на значимое суждение, которое может стать частью научного знания, если выдержит рациональную критику. А потому важно, чтобы эта модель делиберации стала эталонной для демократического общества в целом [6]. Решение данной задачи требует участия философии. Эпистемология сегодня должна встать на защиту науки, чтобы способствовать упрочению ее общественного авторитета. Возможно, в этом и состоит социальное призвание современного философа. Такого рода защита не сможет побороть социальные факторы недоверия к науке, однако будет щедрым даром науке от философии, которая всегда устремляла жало рациональной критики против лжи и бесчестия – во имя добродетелей разума.

Литература

1. Goertzel T. Belief in Conspiracy Theories // *Political Psychology*. 1994. Vol. 15. P. 731–742.
2. Douglas K. et. al. The Psychology of Conspiracy Theories // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26 (6). P. 538–542.
3. Bruder M. et. al. Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire // *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. Article 225.
4. Kennedy J. Populist Politics and Vaccine Hesitancy in Western Europe: an Analysis of National-Level Data // *European Journal of Public Health*. 2019. Vol. 29, is. 3. P. 512–516.
5. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практикс, 2011. 352 с.
6. Collins H., Evans R. Populism and Science // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 4. С. 200–218.

Liana A. Tukhvatulina, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation).

E-mail: spero-meliora@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 285–289.

DOI: 10.17223/1998863X/55/31

ONTOLOGICAL SECURITY AND SURROGATE KNOWLEDGE: ON THE SOCIAL BASIS OF THE DISTRUST OF SCIENCE

Keywords: scientific ethos; rationality; Modernity; trust; institutes; anti-scientific movements.

The article considers the problem of social grounds for the distrust of science, which is connected with the demand for pseudo- and anti-scientific movements. The author believes that the opposition

movements to official science speculate on a person's desire for "ontological security" and a stable picture of the world. In this regard, the "reflexive nature" of scientific knowledge turns out to be an obstacle to gaining a solid existential foundation in the face of increasing information pressure. The author believes that the archaization of ordinary consciousness becomes a response to intensive structural changes in the society and indicates a protest attitude towards them. Referring to Anthony Giddens' ideas, the author claims that the distrust of science is associated with the destruction of a personalist model of pre-modern trust and the need for a transition to trust in "abstract systems". In this regard, the author analyzes the prospects of using a personalist model of trust in strengthening the legitimacy of science as a social institution and places hopes on the emergence of public opinion leaders among scientists. The expansion of scientific rationality, which will be primarily associated with the recognition of scientific ethos as a reference model of communication in a democratic society, can help overcome the crisis of institutional trust.

References

1. Goertzel, T. (1994) Belief in Conspiracy Theories. *Political Psychology*. 15. pp. 731–742.
2. Douglas, K. et. al. (2017) The Psychology of Conspiracy Theories. *Current Directions in Psychological Science*. 26(6). pp. 538–542. DOI: 10.1177/0963721417718261
3. Bruder, M. et. al. (2013) Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire. *Frontiers in Psychology*. 4. Article 225. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00225
4. Kennedy, J. (2019) Populist Politics and Vaccine Hesitancy in Western Europe: An Analysis of National-Level Data. *European Journal of Public Health*. 29(3). pp. 512–516. DOI: 10.1093/eurpub/ckz004
5. Giddens, A. (2011) *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow: Praksis.
6. Collins, H. & Evans, R. (2019) Populism and Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 56(4). pp. 200–218. DOI: 10.5840/eps201956476